

Преподобный Иоанн Дамаскин
**Сказание о жизни преподобных
Варлаама и Иоасафа**

«Сибирская Благовонница»

1910

Дамаскин П.

Сказание о жизни преподобных Варлаама и Иоасафа /
П. Дамаскин — «Сибирская Благовонница», 1910

Вниманию читателей предлагается одно из самых популярных в Древней Руси произведений переводной литературы. Книга рассказывает о том, как пустынник Варлаам приобщает царевича Иоасафа к христианской вере. В притчах преподобный Варлаам раскрывает основы христианства и простыми и понятными словами излагает суть церковного благовестия. Святитель Феофан Затворник так говорил об этом произведении: «Лучшей книги для познания христианской веры и жизни в общем обзоре нет и едва ли может быть». В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

© Дамаскин П., 1910

© Сибирская Благовонница, 1910

Содержание

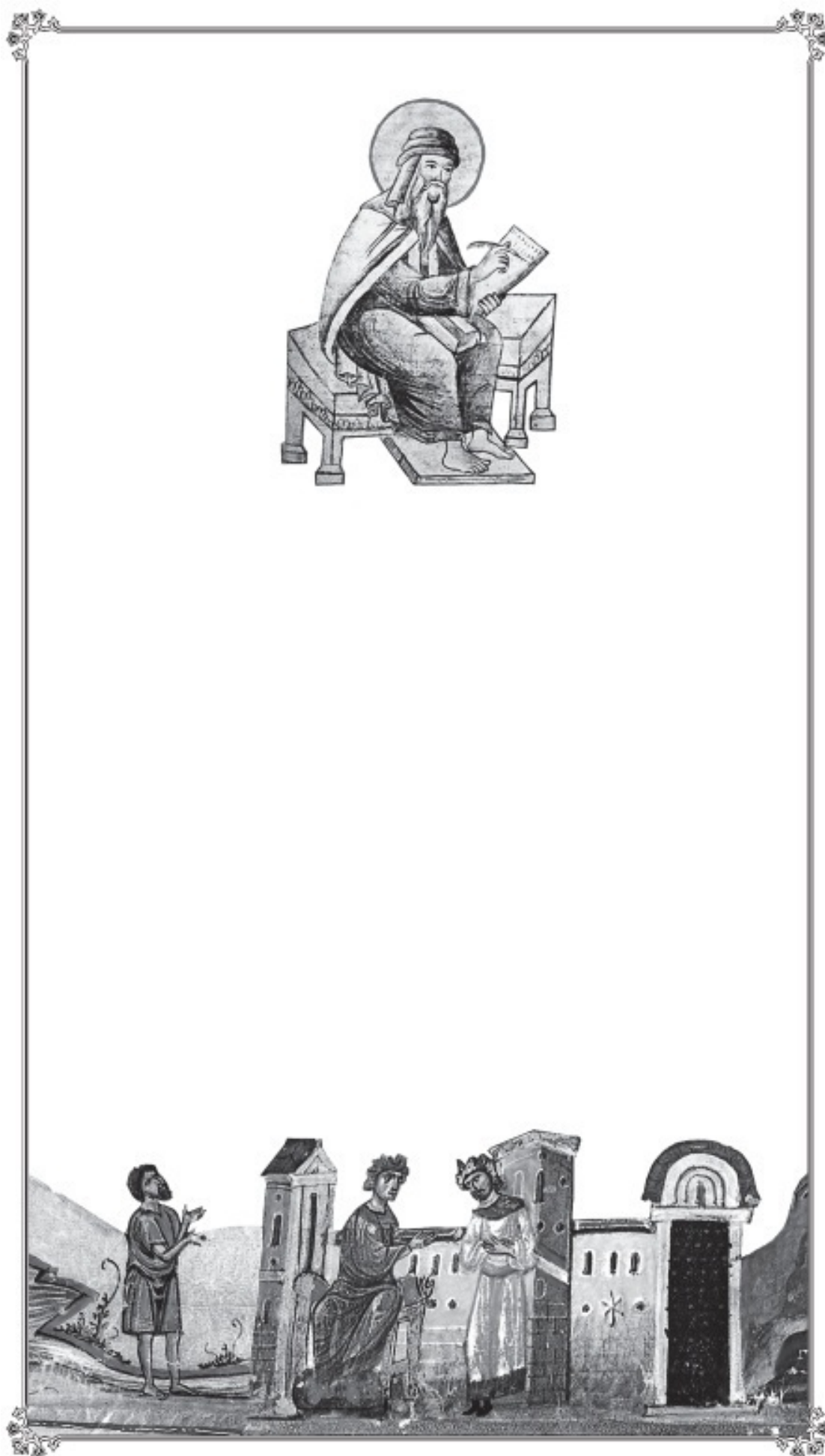
Предисловие	8
1	9
2	11
3	14
4	16
5	19
6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Преподобный Иоанн Дамаскин Сказание о жизни преподобных и богоносных отцов наших Варлаама и Иоасафа

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС
13-302-0151

Печатается по изданию: Сказание о жизни преподобных и богоносных отцов наших Варлаама и Иоасафа, составленное св. Иоанном Дамаскиным. Сергиев Посад, 1910.

Предисловие

Все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии, – говорит святой апостол (Рим. 8:14). Быть удостоенным Духа Святого, сделаться сыном Божиим есть высочайшая из целей каждого человека. Стяжавший Святого Духа познает все, как говорит Священное Писание. Такого чрезвычайного блаженства и высочайшего из стремлений удостоились достигнуть святые от мира сего через подвижничество в добродетелях. Одни мученической борьбой, которую они вели с грехом до последней капли крови, достигли совершенства; другие ведя аскетическую жизнь вступили на этот трудный путь и добровольно сделали мучениками. Подвиги и успехи как тех, которые страданием достигли блаженства, так и тех, которые [положили много] трудов, чтобы в действиях своих быть подобными Ангелам, божественные апостолы и блаженные отцы велели христианскому обществу записывать как образец добродетели для следующих поколений, заповедав делать это для спасения нашего человеческого рода. Ибо путь к добродетели труден и тернист, в особенности для тех, которые, не очистив еще души своей перед Богом, будучи обуреваемы страстями, считают себя совершенными. Мы нуждаемся во многом, поощряющем к добродетели: частью в напоминаниях, частью в жизнеописаниях людей, заслуживающих в этом отношении доверия. Чтение таких жизнеописаний помогает нам переносить испытания и заставляет нас не пренебрегать приготовлением себя к встрече с терниями на этом пути. Так, если бы кто-нибудь стал уговаривать и поощрять даже склонных вступить на эту полную трудностей дорогу, то одним увещанием он достиг бы меньше, чем если бы представил еще и примеры многих, прошедших уже этот путь и в конце концов доблестно преодолевших его трудности. Этим способом он скорее убедил бы каждого самому испробовать его. Вследствие чего и я, придерживаясь сего правила, считаю, что следует поступать не так, как раб, который, взяв у господина талант, зарыл его в землю и таким образом не употребил данное для оборота, а скрыл его (Мф. 25:18), – и я ни в каком случае не умолчу о душеполезном сообщении, которое мне передали богобоязненные люди о жителях внутренней Эфиопии, известных под именем индусов, узнав это из верных источников.

1

Страна индусов, о которой идет речь, обширная и многолюдная, окружена океаном и морями, удобными для кораблей в части, обращенной к Египту, на материке же граничит с Персидским государством. В ней издревле господствовал мрак идолопоклонства; она была страной в высшей степени варварской; ее беззакония выходили из ряда других. Когда же Единородный Сын Божий, сущий в недре Отчем, не перенося порабощения грехом существ одного с Ним образа, явился нам, чуждый греха, и, не покидая престола Отца Своего, воплотился ради нас от Девы, чтобы мы стали причастны неба и отступили от прародительского греха и, освободившись от него, обрели бы прежнее усыновление; когда Он, совершив свое дело воплощения, принял крестное страдание и смерть и соединил так необыкновенно земное с небесным, потом восстал из мертвых, со славою вознесся на небо и сел одесную величия Отца на небесах, – тогда Он послал видевшим Его и принявшим Его учение, как обещал, в утешители Духа Святого в виде огненных языков и затем отправил их [учеников] ко всем народам просветить светом Евангелия погруженных во мрак невежества и крестить их во имя Отца и Сына и Святого Духа. И когда одни из них получили в удел восточные, другие – западные страны, одни пошли на юг, другие – на север, тогда святой Фома, один из двенадцати учеников Христа, был послан в страну индусов, чтобы возвестить им спасительное учение. При содействии Всевышнего, подтверждавшего его слова знамениями, мрак идолопоклонства был рассеян, и жители той страны, оставив жертвоприношения идолам и тому подобную мерзость, приняли непреложную веру. Просвещенные святым апостолом, они через крещение обрели Христа. Число верующих постоянно увеличивалось в стране, жители ее преуспевали в истинной вере, строя повсеместно церкви.

Когда же и в Египте стали возникать монастыри, начали собираться общества монахов, то слава о их жизни в подражание Ангелам распространилась за пределы обитаемой ими земли, достигла страны индусов и вызвала здесь подобное соревнование. Многие из них, оставив все, поселились в пустынях и, будучи в тленном теле, применились к образу жизни бесплотных. Когда, таким образом, христианство преуспевало и, как говорят, многие возносились на небо на золотых крыльях, тогда в той же стране отличался один царь, по имени Авенир. Богатый и могущественный своими победами над противниками, страшный в войнах, славившийся огромным ростом и красотой лица и гордившийся этими мирскими тленными преимуществами, он вместе с тем обладал крайне скудными душевными силами, был подвержен многим порокам, увлекаясь языческими суевериями. Авенир жил в неге, роскоши и наслаждениях жизненными удовольствиями, не зная никаких препятствий для исполнения своих желаний и капризов, и только одно мешало его веселью, погружало душу в заботы: он был бездетен. Мечтою его было назваться отцом детей, что и для многих составляет предмет главных желаний. Таков был царь, таковы были его помышления.

Славный же род христианский и монашеские общины, ни во что не ставя угрозы царя, продолжали свое служение Христу, преуспевая более, чем это можно выразить словами. Они искали только того, что могло содействовать их угождению Богу, так что многие из принявших монашеский чин одинаково презирали все земные наслаждения, и одно только было для них важно: религия и жажда умереть за Христа для достижения вечного блаженства. Христиане проповедовали спасительное имя Божие без страха или малодушия. Сам Христос говорил их устами. Они ясно представляли всем непрочность и кратковременность настоящего, прочность и вечность будущей жизни. Многие, отведав всю сладость этого учения, стали выходить из мрака обмана и присоединяться к свету истины, так что даже некоторые из знатных людей и сенаторов отдалялись от жизненной суеты и становились монахами. Царь же Авенир, о котором мы говорим, услышав об этом, ужасно рассердился и в избытке гнева тотчас издал поста-

новление о том, чтобы принуждать христиан отречься от своей веры. Он придумывал для них разного рода пытки, применял их на деле, угрожал новыми видами казней, посылал своим вельможам и правителям областей предписания наказывать набожных христиан и, будучи ожесточен, приказал несправедливо казнить всех избранных монахов. Таким образом, он, не объявляя войны христианам, непримиримо повел ее против них. Тогда многие из верующих колебались. Некоторые, не в состоянии вынести муки, покорялись его незаконному приказанию. Одни представители монашеских общин приняли мученическую кончину и достигли вечного блаженства. Другие же скрывались в пустынях и горах, но не от страха перед угрозами пыток, а по внушению Божию.

2

Удивительный святой подвиг знатного человека

В то время, когда верующие отовсюду изгонялись из земли индусов, защитники язычества усиливались и самый воздух постоянно осквернялся запахом крови и тука постоянно сжигаемых жертвенных животных, один царский сатрап, отличавшийся от других благородством души, величием и благочестием, вообще бывший совершеннее других и по благородству души, и по красоте тела, услышав об этом нечестивом приказании, отказался от суетной земной славы и роскоши и присоединился к монашествующим. Удалившись в пустынные места, он постами, бдением и изучением Священного Писания освободил свою душу от страстей, осыятил ее отсутствием их.

Услышав об этом, царь, который любил и очень уважал его, весьма огорчился потерей друга и воспламенился еще большей ненавистью к монашеству. Он послал во все стороны разыскивать его, велел, как передают, ни одного камня не оставить на месте. После продолжительного времени отправленные на розыски, узнав, что он живет в пустыне, нашли его, схватили и поставили перед тронном царя. Увидев его, когда-то одетого в богатые одежды, а теперь в бедное и грубое рубище, его, отказавшегося от былой роскоши и удобств, ныне бедствующим, измученным суровой подвижнической жизнью, с явными признаками этой пустынной жизни, Авенир в одно и то же время исполнился и печали, и гнева.

Тоном, в котором звучало то и другое, сказал ему: «О, безумец! О, сумасшедший! Чего ради променял ты почести на позор и блестящую славу на этот жалкий вид? Архисатрап, представитель моего государства и моей славы, ты сделал себя посмешищем для детей; ты предал совершенному забвению не только нашу дружбу, но пошел и против природы: не сжалился над детьми, пренебрег богатством и известностью, отдав предпочтение бесславию. Какая у тебя цель, какая тебе польза от того, что ты считаешь так называемого Иисуса и ставишь Его выше всех богов и людей и это жалкое скитание предпочел неге и наслаждению приятнейшей жизнью?»

Выслушав это, Божий человек ответил Авениру приятным, спокойным, ровным голосом: «Царь, если ты хочешь потребовать от меня отчет, то удали врагов из своего судилища, тогда я дам тебе ответ на все, о чем ты ни пожелаешь узнать; в их же присутствии я не стану говорить с тобой ни о чем, и ты казни меня без ответа, накажи меня, делай, что тебе угодно, *ибо мир для меня распят, и я для мира* (Гал. 6:14)».

Тогда царь спросил: «Каких это врагов ты велишь мне удалить?»

«Гнев и страсти, – говорит блаженный. – Сначала они были даны нам Создателем как полезные деятели нашей природы. Это назначение они сохраняют и теперь у живущих не плотскою, но духовной жизнью. Для вас же, которые всецело живете плотью без всякой духовной жизни, они сделались врагами. Ибо если в вас действует страсть, то вы ищете удовольствий; если же они [удовольствия] прекращаются, то влекут за собой гнев. Оставьте на сегодня это. Пусть рассудок и справедливость выступят вперед, когда ты будешь судить мои речи. Поэтому если ты оставишь гнев и страсти и на место их выступят рассудок и справедливость, то я откровенно скажу тебе все».

Авенир сказал: «Я уступаю твоей просьбе, удаляю гнев и страсти и выдвину вперед рассудок и справедливость. Говори же впредь безбоязненно со мною. Откуда у тебя это заблуждение – предпочитать пустые надежды очевидному, осязаемому?» На это пустынный ответил: «Царь, если ты желаешь знать начало всего того, что заставило меня пренебречь временным

и всецело предаться надеждам на вечное, то выслушай меня. В давно прошедшие дни, будучи еще совершенно молодым, я услышал одно прекрасное спасительное изречение, которое засело в самой глубине моего существа, как будто какое-нибудь Божественное семя; память о нем сохранилась навсегда, [жила] неотлучно в моем сердце, так что это семя пустило в нем ростки и корень, и ты видишь, какие плоды принесло мне. Значение этого изречения было приблизительно следующим: безумные имеют обыкновение пренебрегать действительным и смотреть на него как на недействительное, а недействительное любить и домогаться его, как действительного. Не отведавший сладости действительного не может иметь верного понятия о действительном. Если же он не знает его, то как ему презирать его? Действительным называется вечное, неизменное, а недействительным – здешняя земная жизнь, роскошь и ложное счастье, к которым, увы, и твое, царь, сердце приковано. Изречение непрестанно беспокоило мою душу и побудило моего руководителя – ум к избранию лучшего. Однако заблуждение, имевшее тем не менее власть надо мной, вело борьбу с силою моего рассудка и делало для меня жизнь в окружающей меня обстановке настоящей пыткой. Оно держало меня как бы своим пленником, подобно железным оковам в тюрьме.

Когда милость к нам Бога Спасителя нашего соблаговолила избавить меня от этого тяжелого пленения, дала силу моему уму победить силу заблуждения и открыла мне глаза, дабы я мог отличать добро от зла, тогда я понял, что все окружающее нас – суета, томление духа, как выразился премудрый Соломон в одной из своих книг (Еккл. 1:14), понял преимущество духовной жизни. С сердца моего спало покрывало неведения и рассеялся мрак души моей, в который погружали ее телесные страсти. Я познал то, для чего я родился, познал, что исполнением заповедей Божиих мне должно сделаться достойным пред Создателем. И вот с тех пор, оставив все, я последовал Его воле, и благодарю Бога, что через ходатайство Господа нашего Иисуса Христа Он избавил меня от этой тины, от этого ужасного, губительного мрака, господствующего в сем мире, и указал мне самый краткий путь, следуя которым я смогу вести образ жизни Ангелов. Отыскав поспешно этот путь, я избрал себе дорогу тесную и трудную, оставив совершенно суету здешней жизни, ее общество и временное богатство; и никто не заставит меня назвать что-либо прекрасным в сравнении с тем, что действительно прекрасно, от которого ты, царь, отторгнут, далек. Поэтому и мы далеки от тебя, так как ты и себя ввергаешь в очевидное и явное беззаконие, и нас заставляешь подвергаться этой опасности. Пока мы испытывались только в борьбе с мирским, мы никогда ни в чем не отступали от своих обязанностей, и ты сам подтвердишь, что нас нельзя было обвинить ни в легкомыслии, ни в небрежном исполнении своих обязанностей.

Когда же ты настоял на том, чтобы лишить нас главного, а именно – благочестия, и этим нанести Богу ужасное оскорбление, когда ты напоминаешь о почестях, честолубии, то я могу вполне справедливо сказать, что ты не имеешь понятия о прекрасном, ставя на одну ступень благочестие в отношении Бога и людскую любовь к славе, проходящей с быстротой весенних вод. Как мы будем тебе общниками в этом [земном], а не отвергнемся, напротив, дружбы, чести, любви детей, и другого (если только есть что-нибудь выше этого), видя, как ты оскорбляешь имя Божие, дающее тебе и жизнь, и дыхание, как ты оскорбляешь Господа нашего Иисуса Христа, Который, будучи всемогущ, вечен, как и Отец, утвердил словом небо и землю, сотворил человека, удостоил его бессмертия и поставил царем земных существ, устроив ему жилищем прекраснейший рай. Когда же человек, обманутый завистью диавола и, увы, увлеченный удовольствием, лишился всего этого и, прежде достойный зависти, вследствие своих бедствий стал достойным сострадания и слез, тогда наш Творец, наш Создатель сжалился над ним, Своим творением. Не переставая быть Богом, чем был всегда, Он сделался Человеком, приняв все человеческое, кроме греха, и Своим добровольным страданием и крестной смертью сокрушил диавола, позавидовавшего нашему роду человеческому. Спасши нас от тяжелого пленения, Он возвратил нам по Своему милосердию прежнюю свободу. Лишившись ее через

свое непослушание, мы получили ее опять благодаря Его любви к людям и даже были удостоены Им еще большей чести.

Ты же, отвергнув так пострадавшего ради нас Господа, удостоившего нас таких благ, издеваясь над Его Крестом, предавшись всецело гибельным страстям и позорно провозглашая богами постыдных идолов, не только удалил себя от небесных благ, но удалил от них всех, повинующихся твоим приказаниям, и тем подверг их души опасности. Так знай, что я не слушаю тебя и не возьму с тебя пример в неблагодарности к Богу, даже если ты отдашь меня на съедение диким зверям или велишь убить или сжечь, что в твоей власти. Я не боюсь смерти и не дорожу земными благами, презирая их суетность и немощь. Что полезного, прочного и постоянного во всем земном? Да и не только одно это: сколько оно доставляет несчастья, горя, сколько бесконечных забот!

Со всякой земной радостью и наслаждениями соединена печаль и сокрушение; земное богатство – нищета; земная высота – крайнее унижение. Но кто пересчитает все его зло? На это наш богослов указал немногими словами: *весь мир лежит во зле (1 Ин. 5:19); Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его; а исполняющий волю Божию, пребывает во век (1 Ин. 2:15–17).* Отыскивая это добро, я оставил все и присоединился к имеющим то же желание и почитающим Того же Бога, между которыми нет ни спора, ни зависти, ни горя, ни забот, но все идут одним путем. Цель их – занять места, уготованные Отцом для любящих Его. В них я приобрел родителей, братьев, родственников, друзей; своих же прежних друзей и братьев я избегал; поселился в пустыне, ожидая Бога, Который бы спас меня от малодушия и бурных страстей».

Когда Божий человек все это высказал, царь дрожал от гнева и хотел было тотчас же жестоко оскорбить святого, но не решился и отложил выполнение своего намерения, боясь его известности и знатности. Взвесив все это, он сказал: «Несчастный! Осудив себя на погибель, гонимый к ней, по-видимому, самую судьбою, ты настроил свой ум и язык сообразно с этим и наговорил здесь такого неясного вздора, свойственного безумному, что если бы я в начале твоей речи не обещал тебе не гневаться, то предал бы теперь твое тело огню. Но так как ты обезопасил себя, предупредив меня, то я теперь сношу твою дерзость ради прежней дружбы с тобою. Теперь же уходи с моих глаз и впредь мне не попадайся, если не хочешь своей гибели».

Тогда Божий человек оставил царя и удалился в пустыню. Печалась о том, что не пострадал за веру, и мучаясь каждый день этим сознанием, он вел борьбу с властью, господствующей над мраком мира сего, с духом зла, как выражается апостол Павел (Еф. 2:2).

После свидания со своим бывшим другом царь стал еще более ненавидеть монашеские общества и воздвигать на них гонения, стал еще более оказывать почести ревнителям языческой веры и служителям идолов.

3

Рождение святого Иоасафа

Когда царь находился в таком неведении и заблуждении, у него рождается дитя, столь прекрасное, будто это было дитя блеска и великолепия, окружающего его. Ибо говорили, что никогда еще в этой земле не появлялся столь прекрасный ребенок. Исполнившись большой радости по случаю рождения сына, Авенир назвал его Иоасафом и отправился в идольские храмы, чтобы принести жертвы богам, еще более бессмысленным, чем он сам, и воздать им благодарственные гимны, не ведая, Кто истинный виновник всех его благ, Которому и следовало принести духовную жертву. Царь, приписывая причину рождения сына безжизненным и бесчувственным существам, разослал во все стороны указы собрать множество народа на празднование рождения дитяти. И можно было видеть множество людей, стекающихся на этот праздник, побуждаемых и страхом перед царем, и благоговением перед ним. Каждый принёс с собою в изобилии все нужное для жертвоприношений. Более же всего склоняло людей прийти на праздник то, что царь, желая возбудить в них чувство удовольствия, велел заколоть самых больших и лучших быков. Совершив, таким образом, всенародно праздник, он всех одарил подарками: сенаторов, вельмож, воинство и даже незнатных и незаслуженных. На это самое празднество, по случаю рождения царского сына, пришли к царю мужи, числом до пятидесяти, изучившие халдейскую астрологию. Приблизившись к ним, царь стал спрашивать каждого из них, какова будет судьба его новорожденного сына. Они после продолжительного обдумывания сказали, что он будет обладать большим богатством и могуществом и превзойдет всех предшествовавших ему царей. Но один из астрологов, самый лучший, сказал: «Судя по расположению звезд, успех твоего новорожденного сына будет не в твоём царстве, но в другом, лучшем и бесспорно превосходящем это. По моему мнению, он примет преследуемую тобою христианскую веру, и я думаю, что не ошибаюсь в своем предположении и ожидании». Астролог говорил это так же, как говорил некогда Валаам: не астрология возвещала истину, но Бог через противников объявлял правду.

Царь, выслушав ответ, очень опечалился; его радостное настроение исчезло от горестного известия. Он поместил новорожденного сына в прекрасный дворец, нарочно выстроенный для этого в городе. Когда сын вышел из младенческих лет, царь велел не допускать к нему никого; назначил воспитателями и служителями молодых и самых красивых людей, наказав им скрывать от мальчика все бедствия жизни: смерть, старость, болезнь, бедность и все другое, что могло бы нарушить его радостное настроение, и, напротив, раскрывать перед ним всякие удовольствия и наслаждения, чтобы его ум, увлекаясь ими, не мог рассуждать о будущем; [наказал,] чтобы он ни слова не слышал о жизни или учении и делах Христа, и последнее наказал скрывать более всего, принимая во внимание предсказание астролога. Если же случится, что кто-нибудь из прислужников заболит, то он приказал, чтобы его тотчас удаляли оттуда, а вместо него ставили другого, здорового и хороших качеств, чтобы царевич не видел ничего, выходящего из ряда обыкновенного. Так рассуждал царь, так он и сделал; смотря, он не видел, слыша, не понимал.

Узнав, что некоторые из монашествующих, и следа которых, по его мнению, уже было не найти, остались в живых, он исполнился гнева, послал глашатаев объявить в городе и во всей стране, чтобы по прошествии трех дней в его стране не осталось ни одного монаха. Если же по прошествии означенного времени кого-нибудь из них найдут, то таковой будет сожжен

или убит. Монахи, говорил он, убеждают народ обратиться к распятому Богу. В это время случилось нечто такое, что огорчило царя и еще более восстановило его против монахов.

4

Один знатный вельможа безукоризненной жизни, занимавший видное место в государстве, исповедовал истинную веру и заботился о спасении души, но скрывал это из страха перед царем. Некоторые из близких к царю людей, завидуя почестям, оказываемым этому вельможе царем, думали о том, как бы оклеветать его перед ним. Однажды царь отправился на охоту со своими царедворцами, в числе которых был и этот добродетельный муж. Гуляя в одиночестве (я думаю, что это случилось по Божественному устройению), он нашел в чаще лежащего на земле человека, у которого нога была сильно повреждена диким зверем. Увидев вельможу, тот человек стал просить его не проходить мимо, но сжалиться над его немощью и отвести в свой дом, а в конце прибавил, что будет ему бесполезен и пригодится. Благочестивый вельможа сказал: «Я возьму тебя и окажу тебе помощь, насколько это в моих силах. Но что это за польза, которую, как ты говоришь, принесешь мне?» – «Я, – говорит раненый, – исправитель слов, именно: если при разговоре что-либо бывает испорчено неосторожными словами, то я забочусь о том, чтобы зло не пошло дальше».

Благочестивый муж не придавал никакого значения этим словам, однако велел отвести его в свой дом и окружить нужным попечением. Завистники же, о которых сказано раньше, не скрывая более своего нерасположения к означенному вельможе, оклеветали его перед царем, говоря, что он, забыв царское к себе расположение, не только оставил служение своим богам и принял христианство, но и злоумышляет против всего царства, подстрекая чернь и располагая к себе всех. «И если ты, – говорили они, – желаешь убедиться в истинности наших слов, то призови его к себе и, чтобы испытать, скажи ему, что ты хочешь, оставив отцовскую веру и царское достоинство, сделаться христианином и облачиться в монашескую одежду, которую ты прежде преследовал как зло».

Оговаривая благочестивого мужа перед царем, они знали его уязвимое место; враги знали, что если он услышит такие слова от царя, то посоветует ему не оставлять столь прекрасного решения, и они, таким образом, окажутся правыми. Царь, зная привязанность к себе этого мужа, считал их слова невероятными и ложными, но рассудил, что в любом случае не следует оставлять это дело невыясненным. Призвав к себе вельможу, он говорит ему наедине, испытывая его: «Ты знаешь, друг, сколько зла я причинил так называемым монахам и христианам. Теперь я раскаялся в этом и, презрев все земное, хочу жить их надеждами, ибо я слышал, что они говорили о каком-то бессмертном царстве, которое будет в другой жизни, а земной жизни смерть положит конец. Я думаю, что достигну чего-нибудь не иначе, как только приняв христианство и расставшись со славой своего царствования и прочими жизненными удовольствиями и наслаждениями и присоединившись к монахам и аскетам, которых я несправедливо изгонял, где бы они ни были. Что ты скажешь на это? Какой совет дашь ты мне? Говори только искренно, так как я знаю, что ты самый правдивый и рассудительный человек».

На это благочестивый муж, умилившись сердцем и обливаясь слезами, не подозревая скрытой хитрости царя, сказал: «Царь, живи до скончания века, ибо ты возымел прекрасное, спасительное намерение, хотя и трудно достигнуть Царствия Небесного, однако надо добиваться этого всеми силами. Ищущий его найдет. Наслаждение жизненными благами, хотя по видимости услаждает и увеселяет, но прекрасно отказаться от него, ибо в нем самом нет наслаждения, и кому оно доставляет удовольствие, того семикратно, в свою очередь, огорчает. И блага земной жизни, и огорчения ее бледнее тени, и след их подобен следу плывущего корабля или следу в воздухе летящей птицы, а надежда на будущее, которую проповедуют христиане, прочна и непоколебима; печаль она доставляет в этом мире, а радость в будущем. Наши земные удовольствия здесь недолговременны, а в жизни будущей будут только причиной наказания, которое никогда не прекратится. Жизнь доставляет временные удовольствия, но вечное

горе. Поэтому да будет приведено в исполнение царское намерение, ибо прекрасно, весьма прекрасно променять тленное на вечное».

Выслушав это, царь очень разгневался, однако он скрыл свой гнев и не сказал пока ничего благочестивому мужу. Но тот, будучи умным и сообразительным, заметил, что его слова огорчили царя и что он хитростью испытывал его. Возвратившись домой, вельможа беспокоился и печалился, не зная, каким образом войти в прежнее расположение царя и избежать близкой опасности.

Проведши целую ночь без сна, он вдруг вспомнил о человеке с поврежденной ногой и, велев привести его к себе, сказал: «Я помню, что ты назвал себя исправителем слов». Тот же говорит: «Если тебе нужно, я на деле покажу свое искусство».

Тогда вельможа рассказал о прежнем расположении царя и близости к нему, о произошедшем недавно разговоре, который царь хитро завел с ним, и то, как он советовал царю лучшее, и что за это царь рассердился на него, и что он заметил скрытый гнев по изменившемуся лицу.

На это спрошенный, подумав, сказал: «Да будет тебе известно, славнейший, что царь имеет о тебе дурное мнение, что ты-де хочешь овладеть его царством, и, действительно, он вел с тобой разговор с целью испытания. Так вот, ты обрежь волосы, сними эти блестящие одежды и, одевшись в шерстяное рубище, с рассветом отправляйся к царю. Когда же он спросит тебя, что значит эта одежда, ты ответь: “Я явился переговорить с тобой по поводу того, о чем мы вчера беседовали. Вот я готов последовать за тобой туда, куда ты захочешь. Хотя эта роскошь и приятна, но для меня без тебя она не будет иметь никакого значения. Тот же путь, который ты избрал, хотя и труден и тернист, но с тобою он будет для меня и легок, и желанен. Как ты сделал меня своим соучастником здесь, в наслаждении земными благами, так ты будешь иметь его во мне и в предстоящих трудностях, дабы я с тобой делил и наслаждения будущей жизни”».

Благочестивый вельможа, признав его слова дельными, сделал все так, как он ему сказал. Царь, увидев вельможу и выслушав, возрадовался в душе. Радуюсь такой его привязанности к себе и признав все наговоренное на него ложным, он стал оказывать ему еще большие почести и еще более приблизил к себе; монахов же возненавидел сильнее прежнего, говоря, что это они учат людей воздерживаться от удовольствий мира сего и бредить пустыми надеждами.

Мученическая кончина святых отцов

Однажды, выйдя опять на охоту, царь видит в пустыне двух монахов. Он велел схватить их и привести к своей колеснице. Грозно взглянув на них, он заговорил, пылая от гнева: «Разве вы не слышали, бродяги и обманщики, как глашатаи ясно кричали, чтобы никого из вас, сумасшедших, через три дня не было ни в городе, ни в стране, находящейся под моей властью, в противном же случае виновный будет сожжен?»

Монахи ответили: «Мы и уходим из твоих городов и областей, как ты приказал. Но так как нам предстоит длинная дорога к нашим братьям, то мы, нуждаясь в продовольствии, заготовляли его, чтобы иметь запасы в пути и не стать жертвою голода». На это царь сказал им: «Боящийся смерти не станет заниматься заготовлением пищи». «Это хорошо сказано тобою, царь, – отвечали они, – ибо убоявшиеся смерти заботятся о том, как бы им избежать ее. Но как назвать таковых, как не остановившимися перед напором течения и испугавшимися его? Кто совсем не надеется найти что-нибудь там, в вечности, тот печется о земном и потому боится смерти. Мы же, издавна возненавидевшие мир и все мирское, идущие по трудному и узкому пути ради Христа, не боимся смерти, не дорожим земным, но стремимся только к будущей жизни. А так как смерть, которою ты угрожаешь, будет переходом в лучшую, вечную жизнь, то она для нас скорее желательна, чем страшна».

Царь, желая поймать их на слове, сказал: «Как так? Ведь вы только что сказали, что уходите, как я и велел, из моего государства. А если вы не боитесь смерти, то чем объяснить ваше бегство? Вы солгали это из-за пустого хвастовства». «Мы, – отвечали монахи, – убегаем не потому, что устрашились угрожаемой смерти, но из сострадания к тебе, чтобы не сделаться виновниками лишнего преступления с твоей стороны. Посему-то мы и предпочли уйти. Когда твои угрозы дошли до нас, то мы вовсе их не боялись».

Тогда разгневанный царь велел сжечь их. И скончались слуги Христа через сожжение на костре, заслужив мученические венцы. После этого вышло постановление: если где-нибудь будет найден монах, его должно убивать без всякого следствия. Вследствие такого постановления в этой стране не осталось ни одного из монашествующих, кроме скрывавшихся в горах, в земных расщелинах и пещерах. Таково было положение христиан в этой стране.

5

Стремление царевича Иоасафа к познанию истинного Бога

Между тем царевич Иоасаф, о котором я упомянул выше, живя в неприступном выстроенном для него дворце, достиг юношеского возраста, получил основательно образование – эфиопское, персидское и греческое. Он был даровит не менее, чем прекрасен; был весьма рассудителен и отличался всеми другими хорошими качествами. Иоасаф предлагал учащим его такие вопросы о природе, что они удивлялись проницательности и сообразительности ребенка. Царь поражался красоте его лица и качествам души. Он дал приказание жившим с ним скрывать от него все печали и бедствия жизни, а также и то, что смерть полагает конец всем земным наслаждениям. Авенир льстил себе тщетными надеждами, полагая, что он своими приказаниями достигнет желаемого. Но каким образом смерть может быть скрыта от природы человеческой? Не скрылась она и от царского сына. Задумываясь над всем, что возбуждало его мысль, он размышлял относительно себя: по какой причине отец осудил его на затворническую жизнь, закрыв всякому желающему доступ к нему? Он понимал, что это происходит по приказанию отца, но, тем не менее, не решался спросить его об этом, считая невозможным, чтобы отец его замышлял что-нибудь, ему не полезное. С другой стороны, он рассуждал так: если это происходит с ведома отца, то, если он и спросит его, тот не скажет правды. Поэтому он решил узнать об этом от других. У него был один воспитатель, которого он любил больше всех и с которым был в самых близких отношениях. Призвав его к себе и почтив подарками, он начал расспрашивать его, что за причина того, что отец держит его взаперти, в четырех стенах. «Если ты, – заключил он, – ясно объяснишь мне это, то ты будешь первым моим советником и я заключу с тобой завет первой дружбы».

Воспитатель этот, будучи разумным и видя, насколько сообразителен царский сын, не пожелал навлечь на себя опасности утаиванием истины, а потому рассказал ему постепенно обо всем: и о гонениях царя на христиан, в особенности на аскетов, и о том, как они были изгнаны из этой страны, и о том, что астролог предсказал после его рождения. «А чтобы ты, – заключил он, – услышав их учение, не предпочел их веры нашей, царь и постарался окружить тебя немногими избранными им самим лицами, приказав нам скрывать от тебя все бедствия жизни».

Услышав это, юноша ничего более не хотел слушать. Спасительное слово коснулось глубины его сердца, и милость Утешителя пыталась открыть ему глаза, указывая на истинного Бога.

Так как отец часто навещал его (он чрезвычайно любил сына), то в один день сын говорит отцу:

– Я хотел спросить тебя, мой господин, о том, что причиной того, что постоянное горе и непрестанная забота снедают мою душу? Царь, опечаленный его словами, сказал ему:

– Скажи мне, дорогое мое дитя, какое у тебя горе, и я постараюсь сейчас же превратить его в радость.

– Что это за образ жизни, – отвечал царевич, – веду я взаперти между четырех стен? Ты сделал меня недоступным и невидимым для всех.

– Я не хочу, дитя, чтобы ты видел что-нибудь неприятное для твоего сердца, что могло бы испортить твое счастье. Я желаю, чтобы ты жил постоянно в роскоши, во всякой радости и услаждении сердца.

– Будь уверен, мой господин, – отвечает царевич, – что таким образом я живу не в радости и веселии сердца, но в мучении и печали, так что даже пища и питье неприятны для меня и горьки. Я хочу видеть все, что за стенами моего дворца. Поэтому, если ты хочешь, чтобы я жил беспечно, позволь мне отправиться, куда я хочу, и усладить свою душу созерцанием еще не виденного мною. Царь, услышав это, весьма огорчился. Размышляя, что если откажет сыну в просьбе, то будет виновником еще большей его скорби, он сказал:

– Я, дитя, исполню твое желание. Сейчас же велю приготовить лучших коней и снарядить приличную царю свиту.

Исполнив это, он позволил царевичу отправиться, куда он захочет, поручив его спутникам избегать всяких встреч и всячески развлекать его: на дороге устраивать хоры песенников и разнообразные зрелища, чтобы ум царевича, занявшись этим, отвлекался бы от всего другого.

Находясь однажды в пути, царский сын заметил по недосмотру слуг двух мужей, из которых один был изувечен, другой слеп. Увидев их, царевич, неприятно этим пораженный, сказал своим спутникам:

– Что это за люди? Что у них за неприятный вид? Они же, не находя возможным скрыть правду, сказали:

Это страдания, происходящие от немощности человеческого тела, свойственные человеку.

– И всем людям приходится подвергаться этому? – спросил царевич. Ему отвечали:

– Не всем, но тем, у коих здоровое тело делается болезненным.

– А если не всем, – продолжал расспрашивать юноша, – то известно ли, кого постигнут такие ужасы, или этого нельзя определить и предвидеть?

– Кто из людей может знать свое будущее, – ответили они, – и кто может безошибочно судить о нем? Это выше человеческой природы и есть удел только одних бессмертных богов.

Тогда царевич перестал расспрашивать; виденное и слышанное им так расстроило его, что он совершенно изменился в лице.

Немного дней спустя Иоасаф на дороге опять встречает удрученного временем старика со сморщенным лицом, с ослабевшими коленями, согбенного, совершенно седого, беззубого, едва говорящего. Ужас охватил царевича. Велев привести его ближе, он начал расспрашивать о причине его необычайной наружности. Спутники же ему сказали:

– Он живет уже много лет; сила его постепенно уменьшалась, члены ослабевали, и ты видишь, до какого недуга дошел он теперь.

– А каков конец всему этому?

– Не что иное, как смерть завершит все это, – отвечали спрашиваемые.

– И всем людям предстоит то же самое, или и это только некоторым?

– Без сомнения, если только преждевременная смерть не избавит кого от подобных недугов, то невозможно с течением лет не дойти до такого состояния.

– В какие лета бывает это? И неизбежна ли смерть, нет ли средств миновать ее и не дойти до такого недуга? – спросил царский сын.

– Достигнув возраста 80, 100 лет, умирают, а иначе невозможно. Ибо смерть есть необходимость, с самого начала она сопровождает род человеческий, и избежать ее нельзя.

После всего виденного и слышанного умный и благоразумный юноша зарыдал от всего сердца и сказал:

– Не сладка эта жизнь, полна всякой скорби и печали, если все это так. И как может быть беззаботным тот, кто совсем не знает, когда ему следует ожидать смерти, которая приходит не только неизбежно, но и неожиданно?

Они продолжили путь, а царевич непрестанно думал о виденном и слышанном, постоянно вспоминая о смерти. С тех пор его видели всегда печальным и унылым. Он говорил самому себе: «Когда же смерть похитит меня и кто будет вспоминать меня после смерти, тогда

как время все предаёт забвению? По смерти я бесследно уничтожусь, или есть какая-нибудь другая жизнь, другой мир?»

Обдумывая беспрестанно это и тому подобное, он начал бледнеть и чахнуть. Когда же ему случилось быть на виду у отца, он притворялся веселым и беспечальным, не желая, чтобы отец знал о его размышлениях. Он горел нестерпимым желанием встретить кого-нибудь, кто бы мог удовлетворить стремления его души и сказать верное слово о том, что его так интересовало. Поэтому он опять начал спрашивать упомянутого воспитателя, не знает ли он кого-нибудь, кто бы мог удовлетворить его желания и успокоить ум, блуждающий в размышлениях и не могущий отбросить мысли о смерти. Спрошенный, вспомнив об их предыдущем разговоре, сказал: «Я тебе уже и раньше говорил, как твой отец постоянно рассуждающих о том, что ты желаешь узнать, аскетов, – одних велел казнить, других же неумолимо преследовал, так что теперь я не знаю никого из них, кто бы жил в окрестностях [города]».

Царский сын, исполнившись гнева и огорчившись в душе, был подобен мужу, потерявшему большое сокровище и направившему все свои помышления на его разыскание. С тех пор он жил в постоянной скорби и заботах; все мирские наслаждения и увеселения были в его глазах какою-то мерзостью, срамотою. Когда царевич находился в таком положении, стремясь обрести благо для своей души, его увидело Всевидящее Око, и не оставил его без внимания Желаящий всем спасения и познания истины по присущему Ему человеколюбию и следующим образом показал путь, по которому следовало идти.

6

Повествование о святом Варлааме и свидании его с царевичем Иоасафом. Начало его святого учения

В это время жил один монах безукоризненной жизни, отличавшийся красноречием и прошедший весь путь монашеской жизни. Из каких мест и из какого рода он происходил, я не могу сказать этого. Он жил в одной пустыне, находящейся в стране Сенаарской, и был удостоен священства. Имя этого старца было Варлаам. Узнав по Божественному откровению о состоянии души Иоасафа, он оставил пустыню и отправился в обитаемые места. Переменив свою одежду на мирскую, он сел на корабль и отправился в страну индусов. Выдав себя за купца, он прибыл в город, где находился дворец царского сына. В этом городе он провел несколько дней, присматриваясь к обстановке, [в которой жил] царевич, и разведывая о его приближенных. Узнав, что упомянутый выше воспитатель ближе всех к царскому сыну, он сказал ему наедине: «Я хочу объявить тебе, мой господин, что я купец и пришел из дальних стран. У меня есть один драгоценный камень, подобного которому еще никогда не находили. Я до сих пор никому не показывал его, тебе же говорю о нем потому, что вижу в тебе мужа умного и смышленного, который может ввести меня к царскому сыну, чтобы я мог преподнести ему свой камень. Камень этот несравненно выше всего прекрасного: он может слепых одарить светом мудрости, глухим открыть уши, немым дать голос и больных исцелить. Неразумных он делает мудрыми, злых духов изгоняет и все прекрасное и приятное щедро дает заслужившим этого».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.